

Елена Арсеньева

Две любовницы грешного святого («грекия» Эйрена и Рогнеда –...

*Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)*

Любовь у подножия трона

Елена Арсеньева

**Две любовницы грешного святого
(«грекиня» Эйрена и Рогнеда –
князь Владимир Креститель)**

«Автор»

2003

Арсеньева Е. А.

Две любовницы грешного святого («грекия» Эйрена и Рогнеда – князь Владимир Креститель) / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2003 — (Любовь у подножия трона)

ISBN 5-699-04439-6

«Все осталось позади. Все неисполненные мечты и несбывшиеся надежды. Спокойная, размеренная монастырская жизнь. Все обернулось прахом. О, не зря говорят, что пути Господни неисповедимы! Ведь не выйди она, неосторожная, глупая, на закате за стены монастыря, ничего и не случилось бы. Да ладно, пусть бы вышла – и сразу назад. Но нет. Засмотрелась на небо. А не задержись, любуясь солнечным ярким, пламенным заходом, наверняка не услышала бы слабого стога. Вообще-то не услышать его было мудрено – такая тишина воцарилась вокруг. Птицы, которые на закате обычно поднимали крик – то ли прощались друг с дружкой на ночь, то ли просто так, от нечего делать сварились, – примолкли. Светлый Истр, звонко плескавшийся в берег, и тот отчего-то притих. Словно чары навели на весь крещеный и некрещеный мир! Словно в сон погрузили!...»

ISBN 5-699-04439-6

© Арсеньева Е. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Две любовницы грешного святого

Все осталось позади. Все неисполненные мечты и несбывшиеся надежды. Спокойная, размеренная монастырская жизнь. Все обернулось прахом. О, не зря говорят, что пути Господни неисповедимы! Ведь не выйди она, неосторожная, глупая, на закате за стены монастыря, ничего и не случилось бы. Да ладно, пусть бы вышла – и сразу назад. Но нет. Засмотрелась на небо. А не удержишься, любуясь солнечным ярким, пламенным заходом, наверняка не услышала бы слабого стога. Вообще-то не услышать его было мудрено – такая тишина воцарилась вокруг. Птицы, которые на закате обычно поднимали крик – то ли прощались друг с дружкой на ночь, то ли просто так, от нечего делать сварились, – примолкли. Светлый Истр, звонко плескавшийся в берег, и тот отчего-то притих. словно чары навели на весь крещеный и некрещеный мир! словно в сон погрузили!

Кто? Неужели боги, древние, отвергнутые боги, всем сонмом выступили вдруг из бездн, в кои были не столь давно низвергнуты, – выступили и взяли под защиту чужеземца, идолопоклонника, варвара, дикаря...

До чего же был он страшен! До чего хорош собой!

Эйрена в ужасе схватилась за горло: да ведь это один из русов, или, как их еще называли, тавроскифов!

Все в монастыре знали: нынче у крепости Доростол, ставшей последним оплотом язычников, захвативших Болгарию, Иоанн Цимисхий¹ дал решающий бой их войску. Звуки этого боя долетали до монастыря, и оттого-то мать-настоятельница была особенно строга в запретах: за ограду ни-ни! И в тихое-то время сия неосторожность не поощрялась: как ни почтительны были дикие русы к невестам Христовым, а все же береженого Бог бережет.

Сама Эйрена думала, впрочем, что почтительны язычники не столько к чужой вере, сколько к совсем уж никудышному возрасту монахинь. Это при том, что в Доростоле и окрестностях нашлось бы сколько угодно молоденьких жен и дев: свободных от религиозных запретов, на все готовых и весьма охочих до пылких русов. Таких юниц, как Эйрена, в монастыре больше не было. Оттого и жилось ей в его стенах очень уж тяжело. Сестры терпеливо ждали, когда их Бог приберет (как если бы они были залежалым по углам мусором!), а Эйрена порой до того в святых пределах скучала, что хоть о стену головой бейся.

Ее родимая матушка (гречанка из небольшой греческой колонии, поселившейся в болгарской крепости) по обету отвела дочку в монастырь – пообещала ее Господу, если поможет выжить старшему сыну, ужаленному змеей. Господь ли помог, знахарь ли из крепости, который на рану слова заговорные нашептал, кровь отравленную отсосал да приложил месиво из каких-то трав, но мальчик и впрямь выздоровел. А через два дня матушка отвела дочку (лишний рот в нищей семье, заведомую безмужницу, потому что бесприданницу) в монастырь и простилась с ней навеки. Будто и не было никогда на свете девочки по имени Мелания – все о ней забыли.

Она и сама постепенно училась забывать мирское, даже имя свое забыла, училась гордиться участью Христовой невесты и смиренничать, постничать, алкать счастья в мучениях. Правда, она была дурной ученицей... С трудом привыкла к новому имени, данному ей в честь святой великомученицы Эйрены², которая была крещена самим святым апостолом Тимофеем. Святая Эйрена проповедью и чудесами обратила к вере Иисусовой родителей и тысячи людей, претерпела за это великие мучения, но осталась невредимою; скончалась она в пещере, куда к

¹ Император Византии в описываемое время – в 971 году.

² Греческий вариант имени Ирина.

ней заходили дикие звери, обретая в ее присутствии великое смирение, ибо она была истинно возлюбленной Христовой невестой.

У Эйрены (тогда еще Мелании) был дед, который, случалось, потихоньку от ее родителей-христиан рассказывал ей про Афродиту и Анхиза, про Эрота и Психею, про Зевса и Алкмену...³ Боги и богини любили своих смертных избранников иначе, чем Христос! Давали им счастье обладания, а не только бессмысленное томление и горестное усыхание плоти в какой-то там мрачной пещере. Если б дед не умер, он ни за что не позволил бы отдать его любимицу в монастырь...

Ой, грех, грех! Видно, проведал Господь про греховные мысли рабы своей Эйрены (не зря же про него говорят, что он – всеведущий!), вот и решил наказать ее. Если правду уверяют, что без Бога – не до порога, то и нынче до порога монастырского именно Господь довел Эйрену, и сподобил этот порог перешагнуть, и тишину в природе содейал, чтобы услышала она стон раненого язычника...

Эйрена присела на корточки и осторожно перевернула на спину тяжелое тело. На язычнике грязная холщовая рубаха распояской, штаны и сапоги из тщательно выдубленной, мягкой кожи. Лицо скуластое, недоброе – он даже в беспамятстве злился на кого-то. Наверное, на того, кто нанес ему тот удар по голове: кровь запеклась на виске.

Что-то словно толкнуло Эйрену. Она глянула в сторону и вдруг увидела поодаль, за камнем, еще одного человека, лежащего недвижимо. Осторожно приблизилась – и зажала рот рукой: тот человек был мертв. Это был один из воинов Цимисхия – в короткой тунике, высоко зашнурованных сандалиях, с плоским мечом. Вот только этот меч не валялся рядом с хозяином, а торчал в его животе... Кровь вокруг раны уже почернела и свернулась – точно так же, как кровь на виске руса.

Эйрена покачала головой: все понятно! Скиф был ранен, но отомстил за себя, убил грека, а потом лишился сознания. Она перекрестилась без страха, но с сожалением: ведь на шее у мертвого был крестильный крест. Собрат по вере! А этот скиф – дикарь... Ну что ж, если Господь не помог рабу своему, то Эйрена уж точно ничем не поможет. А потому она отвернулась от мертвого и вновь приблизилась к живому.

С виду обычный воин, однако все русы, которых она прежде видела, были острижены в кружок, а у этого голова бритая, только одна прядь волос свисала с правой стороны. Кажется, у варваров это означает знатность рода. А еще у него странные, длинные усы. Но бороды, излюбленной греками, нет – подбородок твердый, словно каменный, чуть-чуть тронут щетиной. А это что?! В левом ухе серьга с двумя жемчужинами и рубином!

Эйрена потянулась было к ней, да тут же и отпрянула, вспомнив, как недавно кто-то из монашек обмолвился: у скифского-де князя в ухе драгоценная серьга.

Неужто перед нею князь русов, именуемый каким-то варварским именем... Святослав, кажется?!

Ах, Боже праведный! Ах, среброногая Афродита! Вот какие чудеса случаются на свете!

Что же делать Эйрене? Поднять крик? Позвать на помощь? Если о раненом язычнике узнает матушка-настоятельница, она немедля пошлет гонца в императорские войска. Наверное, так и следует поступить!

Эйрена вздохнула, перекрестилась – и, намочив в ручье подол длинной холщовой рубахи, в которой ходили монашенки, принялась краешком обтирать лицо раненого.

Кожа у него была еще гладкая, на лбу нет морщин – не стар. Ни седины в волосах и в усах. Скиф, рус... пришедший из таких далей, что даже и подумать о них страшно. Каково у

³ Божества античной мифологии: Афродита – богиня любви; Анхиз – ее смертный любовник; Эрот – бог плотской любви; Психея – его возлюбленная и супруга, покровительница души, любви возвышенной; Зевс – верховный бог, глава всех олимпийцев; Алкмена – его возлюбленная, смертная женщина, мать Геракла.

них там, где-то на севере... может быть, именно там живут сыны ледяного ветра Борея? Дед говорил, что зовутся они гиперборейцы и их страна излюблена Аполлоном⁴, ибо оттуда родом его мать Лето. Сам солнечный бог тоже иногда улетал туда вместе с лебедями, именно там хранил стрелы, которыми перебил циклопов⁵. Дед горевал, что в Доростоле, да и нигде в мире не почитают обычаев гиперборейских; а ведь там старцы, устав от жизни, увенчивают себя цветами, а потом бросаются в море и находят мирную кончину в его волнах. Христова же вера запрещает самовольное прекращение своей жизни, отправляет грешников в ад. Эйрена до сих пор не знает, нечаянно ли дед утонул в реке или поступил, как поступают гиперборейцы...

Девушка задумалась так глубоко, что не сразу заметила: раненый-то открыл глаза! Лежит молча и смотрит на нее. Глаза у него были, как вода Истра, – не то голубые, не то серые... сизые, мерцающие. Облизнул пересохшие губы, что-то сказал чуть слышно. Слов Эйрена не поняла, но догадалась, что его мучит жажда.

Вот беда, река рядом, а воды принести не в чем! Разве что в пригоршнях?

Сбегала, напоила его прямо из рук. Странное что-то в душе шевелилось, пока он пил, прихватывая губами край ее ладоней. Знаком показал – еще пить! Так она бегала трижды, а потом, опустошив «чашу», он вдруг перехватил ее руку и начал собирать языком последние капельки с ее ладони. Медленно, странно медленно, не сводя при этом глаз с Эйрены. И его влажные усы щекотали ее запястья.

Вдруг захотелось погладить его по голове, запутаться пальцами в пыльной пряди.

И стало страшно – ну до того страшно! Может быть, так почувствовала себя Европа⁶, увидав белого быка, который потом умчал ее в неведомые дали. И хочется коснуться незнакомца, и жутко, как будто немедленно вслед за этим невинным движением разверзнутся под ногами неизмеримые бездны – глубже самого Тартара.⁷

Эйрена так и не решилась потрогать руса, но он сам завладел и второй ее рукой, а потом притянул к себе – так, что она невольно склонилась к нему на грудь. Теперь его прозрачные, текущие глаза были совсем рядом.

– Пусти меня, – прошептала Эйрена. – Я сейчас упаду.

Однако он привлекал ее к себе ближе, ближе – и вдруг резко перевернул на спину.

«Да он же ничего не понимает! – догадалась Эйрена. – Он не знает моего языка, а я не знаю его. Как же мы будем разговаривать?»

Разговаривать пока, впрочем, не приходилось. Одной рукой скиф держал Эйренины руки, закинута за голову, другой медленно вел вверх по ногам, сминая и задирая рубаху.

– Нет, нет, – забормотала она, поняв наконец, что сейчас случится. – Что ты делаешь? Не трогай меня, я Христова непорочная невеста!

И тут же вспомнила, что скиф ее все равно не понимает, так что говорить с ним бессмысленно. Может быть, надо кричать? Она и закричала – от боли. Но было поздно, было уже поздно, и лик Христа смиренно и незлобиво взирал с небес на позор своей непорочной невесты.

А сквозь закатные солнечные лучи вдруг явственно проглянула усмешка лукавого, забытого Эроса.

...Святослав вернулся в крепость уже ночью. При виде его воины, считавшие своего вождя погибшим и пребывавшие в полном отчаянии, разразились приветственными криками.

⁴ Античный бог, покровитель искусств и наук, хранитель мировой гармонии.

⁵ Древние чудовища античной мифологии.

⁶ Красавица, похищенная Зевсом, принявшим образ быка и увезшим ее за море. По преданию, земля, где она высадилась на берег, была названа в ее честь.

⁷ Тартар, или Аид, – так в античной мифологии называется подземное царство, ад.

– Завтра зашлем послов к Цимисхию, – усталым голосом сказал Святослав, осторожно трогая запекшуюся на виске корку крови. – Мир предложим. Нельзя ему наше поражение, нашу слабость видеть. Проведает о том, что у нас все побиты и силы нет, – немедля к крепости приступит, и тогда осады нам не выдержать. А придем как победители – со снисхождением до него – и уйдем, сохранив свою гордость. Обязались греки нам дань платить – и пускай платят. Довольно с нас будет.

– А ну как не согласится? – послышался насмешливый голос.

Это говорил один из воевод Святослава – Свенельд, названный так по имени отца своего. Старый Свенельд, погибший много лет назад, был пестуном Святослава и начальником дружины прежнего князя киевского – Игоря Рюриковича. Свенельд и его братья, Мстиша и Лют, росли вместе со Святославом.

– Кто не согласится? – нахмурился Святослав. – Этот Цимисхий? Слуга, подло убивший господина своего, законного императора Фоку? Да ему наше предложение – такая честь, что как бы не подавился! Пусть спасибо скажет, что я, князь русский, его миром удостою. Согласится с радостью! Мы у него еще такие выгоды выторгуем, что не с пустыми руками из этих краев уйдем. Все, что за эти годы взять успели, унесем с собой. Камни, золото, аксамит да алтабас⁸, кубки звонкие, коней легконогих, чернооких женщин, какая кому по нраву. Только уговор: вот эту – не трогать. Князева добыча.

И он вытянул из-за своей спины тонкую фигурку, дрожащую от ночной прохлады.

– Она мне жизнь спасла – не отпущу от себя. В Киев возьму, в моем доме жить станет.

– А княгиня что? А Малуша? – послышался голос злоехидного Свенельда.

⁸ Бархат, парчу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.